

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

С О В Е Т С К А Я ТЮРКОЛОГИЯ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1970 ГОДУ

Выходит 6 раз в год

№ 6

НОЯБРЬ—ДЕКАБРЬ

БАКУ — 1979

Н. АБДУЛЛАЕВ

ОБ УЗБЕКСКИХ ГОВОРАХ АФГАНИСТАНА

Узбекский язык, как известно, отличается разнообразием и сложностью диалектного состава¹. В одних диалектах преобладают огузские элементы, в других — кыпчакские, а в ряде говоров обнаруживается сильное влияние таджикского языка². Последнее обстоятельство вызывает особый интерес у исследователей.

К числу малоизученных относятся узбекские говоры, распространенные на севере и в северо-западной части территории Афганистана. Исследование их тем более важно, что в них сохранились языковые особенности, утраченные всеми другими говорами узбекского языка. Объясняется это, как думается, отсутствием у афганских узбеков современного литературного языка, которым, кстати, они до сих пор считают язык классической узбекской литературы. Помимо этого, материалы узбекских говоров северо-западного Афганистана могут пролить определенный свет на диалектную базу, некогда послужившую основой для образования так называемого «чагатайского» языка XV—XVI веков³. Важны эти данные и для диалектологического атласа узбекского языка. Носители узбекских говоров Афганистана проживают на территории вилайетов Балх, Джузджан (Джавзиджан), Фарьяб, Кундуз, Бадахшан, Тахар, Баглан, Санган. В Гератском вилайете узбеков (вне самого города Герата) проживает немного. По сведениям информаторов, они принадлежат к племени Šekibâni⁴.

О количественном составе населения Афганистана, в том числе узбеков, точных статистических данных нет, имеющиеся сведения неточны и противоречивы⁵.

¹ См.: Е. Д. Поливанов. Узбекская диалектология и узбекский литературный язык. Ташкент, 1933, стр. 3.

² А. К. Боровков. Таджикско-узбекское двуязычие и вопрос о взаимовлиянии таджикского и узбекского языков. — «Ученые записки Института востоковедения», т. IV. М., 1952, стр. 174; В. С. Расторгуева. Об устойчивости морфологической системы языка. — «Вопросы теории и истории языка». М., 1952, стр. 225.

³ А. К. Боровков. Вопросы классификации узбекских говоров. — «Известия АН Узбекской ССР», 1953, № 5. Ташкент, стр. 71.

⁴ Знаки, используемые в статье [ô] и [â], передают специфические гласные, образовавшиеся вследствие: а) конвергенции переднего и заднего гласных [ô] и [o] = ô, б) дивергенции заднего общетюркского [a] в передний [â] и задний лабнализированный широкий [a] = â.

⁵ Г. Ярринг в книге «On the distribution of the turk tribes in Afganistan» (Leipzig, 1939) приводит цифру 800000 узбеков, а в «Узбекской Советской Энциклопедии» названа цифра 1,5 млн узбеков (т. I, стр. 576).

Первой работой, посвященной языку афганских узбеков, следует считать книгу Гуннара Ярринга «Узбекские тексты из Афганского Туркестана»⁶, содержащую текстовый материал с переводом на английский язык и с небольшим узбекско-английским словарем. Вслед за этой работой вышла другая книга Г. Ярринга, посвященная исследованию родоплеменного состава тюркского населения Афганистана⁷. В середине пятидесятых годов была опубликована статья венгерского ученого Лайоша Лигети о монгольских и тюркских языках и диалектах Афганистана⁸.

Определенный интерес представляет небольшая книжка таджикского ученого-фольклориста С. Асадуллаева, в которой содержатся 350 таджикских и 150 узбекских пословиц и поговорок, записанных автором в районе Тахара и Кундуза⁹. Судя по этим материалам, язык афганских узбеков указанного района несколько отличается от узбекских говоров северо-западной территории страны. Следует упомянуть также статьи литературоведа А. Хайитметова «Материалы по узбекским говорам Афганистана»¹⁰ и автора этих строк — «Узбекские говоры Афганистана», в которой приводятся тексты, отражающие живую речь узбеков — жителей Шибиргана и Сарыпуля¹¹.

Материал по языкам узбеков северо-западного Афганистана был собран нами в период 1974—1976 годов на территории вилайетов Балх, Джузджан (Джавзиджан) и Фарьяб. Основное внимание при этом было уделено городским говорам Андхоя, Шибиргана, Майманы, Сарыпуля, Акчи. Кроме узбеков, в этих городах проживают фарсиваны, говорящие на дарн, паштуны, туркмены, а также небольшое число арабов. Однако городское население говорит преимущественно на узбекском языке.

По своим основным лингвистическим показателям узбекские говоры Афганистана во многом схожи с узбекскими говорами городов Карши и Шахрисябз, обследованными Е. Д. Поливановым, Б. Дж. Джураевым, А. Ш. Шерматовым¹².

Фонетические особенности узбекских говоров северо-западного Афганистана многообразны, причем эти особенности взаимосвязаны и взаимообусловлены. Остановимся на их основных фонетических и морфологических чертах.

1. Согласно классификации, предложенной Е. Д. Поливановым, узбекские говоры северо-западного Афганистана относятся к несингармоническим (иринованным) говорам, а по классификации Гази Алима Юнусова — к узбекским говорам «турк-барлас»¹³. В указанных говорах количество гласных фонем не превышает шести: *i, e, ä, u, o, ä*. Наличие седьмого гласного [ö] в системе вокализма исследуемых говоров еще окончательно не доказано; этот вопрос, видимо, будет разрешен при помощи осциллограмм.

⁶ Gunnar Jarring. Uzbek Texts from Afgan Turkestan. Leipzig, 1938.

⁷ Gunnar Jarring. On the distribution of the turk tribes in Afganistan. Leipzig, 1939.

⁸ L. Ligeti. О монгольских и тюркских языках и диалектах Афганистана. — *Acta orientalia Hungarica*, 1954, т. IV, стр. 93—117.

⁹ С. Асадуллаев. Намунаи зарбул-масал ва мақолҳои тоҷикон ва узбекони Вилояти Қатағони Афғонистон. Душанбе, 1963.

¹⁰ А. Хайитметов. Афғонистондаги ўзбек шевалярига оид материаллар. — В журн.: «Ўзбек тили ва адабиёти», 1975, № 1, Тошкент, стр. 63.

¹¹ Наримон Абдуллаев. Афғонистондаги ўзбек шеваляри. — В журн.: «Ўзбек тили ва адабиёти», 1976, № 4, Тошкент, стр. 68—72.

¹² Е. Д. Поливанов. Образцы несингармонических (иринованных) говоров узбекского языка. — «Доклады АН СССР», 1928, № 5, стр. 92; Б. Джураев. Шахрисябзский говор узбекского языка. Ташкент, 1964; А. Шерматов. Каршинский говор узбекского языка. Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1960.

¹³ Gazi Alim Yunus. Ozbek lahçalariniñ tasnifida bir tağriba. Taşkent, 1936.

2. Гласные в системе вокализма языка узбеков города Шибиргана мало чем отличаются от соответствующих фонем узбекских говоров ташкентско-ферганского типа, легших в основу литературного языка. Некоторые расхождения с современным литературным языком имеются в области расположения гласных в составе слов и аффиксов:

а) соответствие $\ddot{a}/\hat{a}$ отмечено в немногочисленных примерах тюркского корня, основы: *suŷâr* 'поливать', *jubâr* 'посылать', *kizâr* 'краснеть', *ċiŷâr* 'выводить', *tânu* 'узнавать', *tigrânċâ* 'озорник';

б) в заимствованных из арабского и персидского языков двусложных словах, независимо от открытости или закрытости последнего слога, широкий гласный [a] систематически переходит в лабиализованный широкий гласный заднего ряда $\ddot{a}:\hat{a}:\ddot{a}ss\ddot{a}$ (ар. *شوربا*) 'посох', *šorbâ* (перс. *شوربا*) 'суп', *ävċât* (ар. *انواء*) 'пища'. Употребление широкого лабиализованного заднего [ä] в конечном открытом слоге характерно для узбекских говоров самаркандско-бухарского типа¹⁴;

в) многочисленные примеры на размещение «аканья» по слогам показывают, что изучаемые говоры в этом отношении сближаются с узбекскими говорами городов Қарши и Шахрисябз, материал по которым был собран в свое время Б. Дж. Джураевым. Свободное размещение гласного [a] и лабиализованного [ä] характерно для узбекских говоров самаркандско-бухарского типа. Однако нельзя при этом не учитывать того, что известны случаи, когда один и тот же факт литературного языка, совпадая соответственно с самаркандским говором, не сходится с говорами ферганского типа¹⁵. При этом ряд специфических особенностей узбекских говоров северо-западного Афганистана отличает их и от узбекских говоров городского типа, и от литературного языка. Такие слова, как *bâlâ*, *tâmâšâ*, *âšnâ*, *хигтâ* и т. д., в литературном языке произносятся: *бало*, *томоша*, *ошна*, *хурма*, а в изучаемых говорах — в первом написании. Интересно отметить, что «оканье» в словах исконно тюркских почти соответствует нормам литературного языка. Особенно это относится к двусложным словам с конечным открытым слогом: *âtâ* 'отец', *ânâ* 'мать', *tâŷâ* 'дядя по матери', *ävâ* 'дядя по отцу' и т. д.;

г) закрытые двусложные слова узбекских говоров Андхоя и Шибиргана произносятся так же, как в говорах городов Шахрисябз и Қарши: *jâmân* 'дурной', *âmân* 'безопасный', *jâlŷân* 'ложь', *sâmân* 'солома', *kâzân* 'котел' и т. д.

3. Характерной особенностью всех узбекских говоров северо-западного Афганистана является почти не встречающаяся в городских говорах дифтонгизация полушироких гласных типа [o] и полуузкого гласного [e]¹⁶: *ŷök* 'пуля', *ŷökijdi* 'он читает', 'учится', *ŷörtâ* 'середина', *ŷöribâldi* 'он поцеловал', *¹ešik* 'дверь', *¹ellik* 'пятьдесят', *¹ešäj* 'осел', *¹eläj* 'сито', *¹ektim* 'я посеял'. В узбекских говорах Северного Хорезма, особенно в их «джекающей» группе, широко представлена дифтонгизация указанных гласных: *¹eki* 'два', *¹oku* 'читать', *¹öldi* 'он умер'¹⁷.

В исследуемых говорах, особенно в конечной позиции, звук [b] подвергается спирализации ($b > v$). Можно указать следующие типы этого чередования:

¹⁴ Б. Джураев. Указ. раб., стр. 179 и след.

¹⁵ См.: Ш. Шоабдурахмонов. Узбек адабий тили ва ўзбек халқ шеваляри. Тошкент, 1962.

¹⁶ Е. Д. Поливанов. Говор кишлака Кыят-Кунграт Шаватского района. — В сб.: «Научные труды Узбекского научно-исследовательского института культуры», 1934, т. I, вып. II, стр. 3—17; его же. Материалы по грамматике узбекского языка. Вып. I. Введение. Ташкент, 1935, стр. 12 и след.; В. В. Решетов. Узбекский язык. Фонетика. Ташкент, 1959, стр. 187.

¹⁷ Ф. Абдуллаев. Фонетика хорезмских говоров. Ташкент, 1967, стр. 58.

а) в абсолютном начале слова *bol* 'быть', 'становиться': ^v*zījdā gül-läsā xâtillā mās vōlādi* 'Когда цветет джида, женщины пьянеют' (пословица), *âš vōsin* 'приятного аппетита'. Правда, таких примеров немного, и поэтому усматривать здесь какую-то закономерность, видимо, не следует;

б) в инлаутной позиции это чередование имеет более или менее регулярный характер: *âvât* 'благоустроенный', *sāvâr* 'причина', *kāvâr* 'шашлык', *sāvât* 'корзина' и т. д.;

в) в конечной позиции, особенно заимствованных слов, чередование $\bar{v} > v$ носит системный характер: *mehgrâv* 'ниша', *māktâv* 'школа', *kāssâv* 'мясник', *âptâv* 'солнце', *žâguv* 'веник' и т. д.;

г) в деепричастных формах на -*v* (-*ub*): *bâruv*, *keluv*, dev: *Kismātân kâšuv kutiluv bolmâjdi* 'От судьбы ни убежать, ни скрыться' (пословица).

Встречается также чередование $b > m$, однако диапазон распространения его ограничен: *buni—muni* 'этого', *bundâj—mundâj* 'такой', *bugun—mugun* 'нос', *bôjin—môjin* 'шея' и т. д.

В изучаемых говорах отмечено соответствие $p//b$: *bičmâv* 'кроить', *bišiv* 'вареный', *bišiv pâxud* 'вареный горох', а в языке жителей Сарыпуля — чередование $p//f$: *seftim* 'я посеял', *kôfrik* 'мост', *tufrâk* 'пыль'.

В начальной позиции фонема $[t]$ обычно остается без изменения, однако имеется ряд случаев ее озвончения (как в некоторых узбекских говорах огузского типа): *dudun*, лит. *тутун* 'дым', *muni durtiv ujaatti* 'он его, растолкав, разбудил', *durdi* 'он встал'. Случаи озвончения $[t]$ в указанной позиции — явление нечастое, здесь сказывается влияние (речь идет об узбекском говоре Андхоя) туркменского языка.

Выпадение $[t]$ в конечной позиции, видимо, присуще заимствованным словам типа *dos*, лит. *дўст* 'друг', *viš*, лит. *ғишт* 'кирпич', *goš*, лит. *gʻiшт* 'мясо', *mās*, лит. *маст* 'пьяный'. В отдельных случаях, правда, весьма редких, выпадение $[t]$ отмечено и в исконно тюркских словах, например: *â. sôz minân âjsâm bôlmās. sâz minân âjtâj* 'о, невозможно сказать словами (это), скажу-ка я с помощью саза'; *âlmuš*, лит. *олмиш* 'шестьдесят'.

Фонема $[d]$: а) в конечной позиции систематически оглушается и переходит в $[t]$: *sāvât*, лит. *савод* 'грамотность', *âvât*, лит. *обод* 'благоустроенный'; б) в конце некоторых заимствованных слов этот звук вообще выпадает: *bālân*, лит. *баланд* 'высокий', *xursân*, лит. *хурсанд* 'довольный'. В остальном артикуляция этой фонемы ничем не отличается от литературного произношения.

Если не учитывать отдельных случаев перехода фонемы $[č]$ в начальной позиции (особенно $č//š$, $č//s$), то ее положение полностью соответствует нормам литературного языка: *čāčgrā—sāčgrā* 'брызгаться', *čāčik—sāčik*, 'полотенце', *čāč—sāč* 'волосы' и т. д. Имеются и случаи перехода $č//t$: *čiš—tiš* 'зуб', *čiš—tuš* 'слезать'.

Аффриката $[ž]$ в начальной позиции обычно устойчива и не подвергается изменениям. Некоторые случаи изменения, видимо, объясняются исторически сложившимися соответствиями, ср.: *žījdā—jījdā* 'джида', *žug—jug* 'ходить', *žirillā—jirillā* 'скандалить', *žugān—jugān* 'узда' и т. д. Переход в середине слова звука $[ž]$ в таких словах, как *bežiz—bečiz*, является результатом озвончения $[č]$ в интервокальном положении: лит. *бежиз*, в говорах *bečiz//bežiz* 'без причины'; ср. в сочетании: *bu bežiz čemās* 'это не напрасно'.

Фонема $[s]$. Наблюдаются следующие отклонения от норм литературного языка: $s//t$; например, *tiškân*, лит. *сичкон* 'мышь'; $s//ž$ —*žävči*,

лит. *совчи* 'сват'. Последний пример отмечен и в каршинском говоре узбекского языка¹⁸.

В конечной позиции сильно оглушается фонема [z], в остальных случаях произношение этого звука ничем не отличается от литературных норм: *ôz^c*, *kôz^c*, *sôz^c* и т. д.

В произношении афганских узбеков фонема [ʃ] переходит в [j] лишь в одном слове: лит. *ташла* — в Шибиргане *tājlä* 'бросать'. Видимо, подобные локальные изменения характерны для всех узбекских говоров «турк-барлас»¹⁹, то есть городских говоров долины Кашкадарьи и Сурхандарьи; ср. *Ävâzxândi* *¹elitip kudukka täjlädi* 'Авазхана привели и бросили в колодезь'.

Фонема [п] подвергается изменению *n > m*: *uṣumčisi* 'третий из них', лит. *учинчиси*.

Для узбекских говоров типа «турк-барлас» характерно и диссимилятивное изменение [n] в аффиксах родительного и винительного падежей: *tājdi*, *tāldi*.

И еще одна характерная особенность исследуемых говоров: при прибавлении аффикса дательного падежа к слову с конечным [n] сочетание *ng* как бы удваивается — *ngng*: *xātingngä* 'женщине', *ṣōpāngngä* 'чабану', *kāzāngngä* 'котлу' и т. д.

В личных местоимениях первого и второго лица часто конечный [n] выпадает, хотя и это явление не носит регулярного характера: *mä: bilmi: män bu kudukkä tuṣummän* 'не знаю, как я очутился в этом колодезе'.

Выпадение звука [l] происходит в некоторых глагольных формах, особенно часто в корне глаголов: *äl-* 'брат', *bôl-* 'быть', *kâl-* 'оставаться', *kel-* 'приходить'; *äsäng* 'если ты возьмешь', *kāmājdī* 'он не останется', *bôsä* 'если будет'; ср. *ägä: keläsän*, *māni äläsän*, хор 'если ты придешь, меня возьмешь', *ägä: kemäjsän*, *māni āmājsän* 'если ты не придешь, не возьмешь меня'.

В причастных формах на *-r/-är* наблюдается изменение фонемы [r] — *r > j*: *mārdimdi* *¹eṣijijä jetimčilij kilijdi* *su: keltirijdi* 'в домах людей служили работниками, носили воду'. В отдельных случаях этот звук вообще выпадает: *Ojdäki xātingngä, däṣtäki ṣōpāngngä xudä ôzi insāp be: sīp* 'Жене, которая дома, пастуху, который в степи, — судья сам бог' (поговорка); *iṣim bā: ungngä* 'у меня есть дело к нему'.

Очень редко встречается изменение фонемы [j] — *j > ʒ*: *āmṛ kildik, Kirätti ʒöllāgin* 'мы приказали оседлать Кирата'. Кроме того, в некоторых случаях [j] «вставляется» в слово: *juzuk—uzuk* 'кольцо'; *jil—il* 'год', *jiräk—iräk* 'далекий', *jilki—ilki* 'табун лошадей' и т. д.

Следует отметить характерное для изучаемых говоров явление спонантизации фонемы [k] — *k > j*, широко распространенное в узбекских говорах типа «турк-барлас». Это явление отмечено как в корнях и основах, так и в грамматических и словообразовательных аффиксах²⁰:

а) в конечной позиции некоторых корней и основ: *pišāj* 'кошка', *pālāj* 'листья дыни', *ināj* 'корова', *¹ešāj* 'осел', *kučij* 'собака', *ôzbāj* 'узбек', *ändälaj* 'дыня-скороспелка', *¹ešij* 'дверь', *sājsän* 'восемьдесят' (лит.: *мушук, палак, сигир, эшак, кучук, узбек, хандалак, эшик, саксон*);

¹⁸ А. Шерматов. Некоторые фонетические особенности каршинского говора. — «Ученые записки Ташкентского государственного педагогического института им. Низами», вып. XII. Ташкент, 1959, стр. 201.

¹⁹ Там же, стр. 203.

²⁰ Дустмурод Абдурахмонов. Узбек шевалярида сўз охирининг баъзи хусусиятлари. — В журн.: «Узбек тили ва адабиёти», 1972, № 3, стр. 33 и след.

б) в словообразовательных аффиксах: *tilāj* 'желание', *bōlāj* 'кусок', *bōšlij* 'пустота', *jāmānlij* 'зло', *jāxšilij* 'добро', *rāstlij* 'прямота', *xursānlij* 'радость', *kunlij* 'дневной' и т. д.;

в) в некоторых аффиксах формообразования и словоизменения: *keldij* 'мы пришли', *āldij* 'мы взяли', *kelsāj* 'если мы приедем', *ālsāj* 'если мы возьмем' (лит.: *келдик*, *олдик*, *келсак*, *олсак*).

В речи носителей говора города Шибирган фонема [k] может в соответствующих позициях заменяться другими звуками — *kāziy* 'кол' (лит. *козиқ*): *Kāziy bâšigā kâr turmās* (загадка) 'На верхушке колышка снег не держится' («яйцо»); *bišiṣy nāxud* 'вареный горох' (лит. *пишиқ нўхот*). Звук [g] может подвергаться спонантизации — *g > j*:

а) в корнях некоторых слов: *tejirmān* 'мельница' (лит. *тегирмон*), *ēijit* 'семя хлопчатника', *tejidā* 'внизу', *kijiz* (лит. *кигиз*) 'кошма', *bijiz* (лит. *бигиз*) 'шило';

б) в причастных формах на *-gān*: *ōjlājān ōjing* 'задуманные тобой мысли', *kōtārālmājān tāšing* 'камень, который ты не можешь поднять';

в) в аффиксе дательного-направительного падежа: *kōrpjā keljān bāj-gām* 'праздник одинаковый для всех' (поговорка) и т. д.

Звук [ng] может подвергаться различным изменениям:

а) систематически выпадать из состава аффикса родительного падежа: *ātti 'ejāri* 'седло лошади', *kōčkārdi šāxi* 'рога барана', *ōjdi 'ešigi* 'дверь дома', *Āvāzxāndi nāfāri* 'человек Авазхана';

б) на стыке корня и притяжательного аффикса, а также в некоторых глагольных окончаниях происходит регулярное изменение *ng > j* или же [ng] вообще выпадает: *āldijiz/āldiz* 'вы взяли', *bārdijiz/bārdiz* 'вы ходили', *bālājiz* 'ваш ребенок', *ātājiz* 'ваш отец', *ālsājilā* 'если вы возьмете', *bilsājilā* 'если вы знаете', *sesijni ēiyār* 'подай голос', *kuēijni kōrsāt* 'покажи свою силу' и т. д.²¹

В начале слова данная фонема, как и в литературном языке не выступает. Одной из характерных особенностей [ng] является как бы удвоенное произношение данного согласного в позиции между двумя гласными: *jāngngāki devāpāni* 'того нищего', *tāngngātti* (лит. *тоғғ отди*) 'рассвело' и т. д.

Переднее произношение этого сонорного звука наблюдается при присоединении аффикса направительного падежа к формам, оканчивающимся на согласный звук [n] или имеющим в конце притяжательный аффикс второго лица единственного числа: *ukāngngā* 'твоему братишке', *āsmāngngā* 'к небу'. Кроме того, данный звук может выпадать, что является причиной появления вторичной долготы стоящего впереди гласного: *sō:rā bāčālā minān jān bōldij* 'затем мы с ребятишками собрались вместе'.

В некоторых качественных прилагательных упомянутых говоров с конечным [k] происходит систематическое изменение *k > γ*, что характерно и для ряда других узбекских говоров: *kāttiṣy* (лит. *қаттиқ*) 'твердый', *āččiṣy* (лит. *аччик*) 'горький', *sāssiṣy* (лит. *сассиқ*) 'вонючий'; *Kāgāni kā:ri kelinčā, sāriṣydi jāni ēiyār* 'Пока черный разозлится, рыжий выйдет из себя' (пословица).

Из приведенного примера явствует, что подобное изменение может происходить в корнях глаголов: *Ikki ōjni ōrtāsidi ōtinim ustuxānimdān ēiyādi dutunim* 'Дрова мои меж двух домов, а дым идет меж костей моих' (поговорка). Такое же изменение наблюдается и в конце неко-

²¹ Я. Г. Гулямов. О падежных формах в ташкентском говоре. — «Труды Среднеазиатского государственного университета им. В. И. Ленина». Ташкент, 1955, стр. 50 и след.

торых существительных: *kâziy* 'кол', *tägiy* 'просо', *kuduy* 'колодец', *sôgây* 'вопрос', *âhmây* 'глупый'.

Отмечается довольно частое чередование $k > x$: *văxt* (лит. *вақт*) 'время', *âxšâp* (лит. *оқшом*) 'вечер', *tôxsân* (лит. *тўқсон*) 'девьяносто'.

В заимствованных словах начальный придыхательный [h] часто выпадает. Это фонетическое явление особенно заметно в речи шибирганцев: *ândälāj* (лит. *ҳандалак*) 'дыня-скороспелка', *ālāj* (лит. *ҳалак*) 'сильная усталость', *ävli* (лит. *ҳовли*) 'двор', 'дом', *älvā* (лит. *ҳолва*) 'халва', *Āsān-Usān* (лит. *Хасан-Хусан*) 'Хасан и Хусан'. Выпадение [h] в середине слова — распространенное явление в ряде узбекских говоров: *sô:bāt* 'беседа', *mô:tāž* 'нуждающийся', *mô:lāt* 'срок'²². В конечной позиции придыхательный [h] обычно выпадает: *râššā* (лит. *подшоҳ*) 'царь', *pikā*: (лит. *никоҳ*) 'обручение', *gā*: (лит. *гоҳ*) 'иногда' и т. д.²³

Рассматриваемые узбекские говоры северо-западного Афганистана отличаются нижеследующими морфологическими особенностями, разнящимися с нормами узбекского литературного языка.

1. Отсутствуют формы местного падежа, так же как в узбекских говорах городского типа долины Кашкадарьи, например, в каршинском²⁴. Правда, в языке жителей Андохя и Шибиргана изредка можно встретить форму местного падежа, однако это, по-видимому, является индивидуальной особенностью носителей указанных говоров. Ср. примеры:

U jâkkâ čâpâr kôrân tâj,
Bu jâkkâ čâpâr kôrân tâj
Tâl tägigä tinik su:
Jäjräv ičâr kôrân tâj (загадка)
'Туда бегаёт бурый жеребёнок,
Сюда бегаёт бурый жеребёнок,
Под ивой играючи, воду
Прозрачную пьёт бурый жеребёнок' («лягушка»)²⁵;

Mäjmänäni Ončo-Ärlât kišlâyigä tuyilgānmān 'я родился в Маймане в кишлаке Унча-Арлат'.

2. Как и в каршинском говоре, аффикс винительного падежа *ni* (*ti—di*) выступает также показателем родительного падежа: *därräv bulā gār-ti birkildi, bizdi bājdi kōlijā pul berdi* 'они тотчас договорились и дали в руки нашему баю деньги'.

3. Характерен показатель дательно-направительного падежа *-gā* (с фонетическими вариантами): *Yāribjā šorbājām/šörvājām pälāv* 'Неиму-щему и суп кажется пловом' (поговорка); *Kārā hindi juguriv 'ešâkkā mindi* (загадка) 'Черный индеец побегал и оседлал осла' («бурдюк»); *Lättāni tuguv kudukkā täjlājvuz* (загадка) 'Обернув тканью, бросаю его в колодец' («труп в саване»).

В поэтических произведениях встречается и устаревшая форма (сингармонический вариант) на *ya—yā*: *hāk ôzi gāhm äjlāsun ul bivāju-biçägāyā* 'да помилет творец тех вдов и несчастных'.

4. Используемый показатель исходного падежа *-dān* ничем не отличается от аффикса *-дан* узбекского литературного языка и, как во многих узбекских говорах, имеет фонетический вариант *-tān*: *siz nimā sā-vārtān kevdiz* 'вы зачем пришли?'.

²² Ф. Абдуллаев. Қарнок шевасининг фонетикасидан. — В журн.: «Ўзбек тили ва адабиёти», 1965, № 6, стр. 17; *его же*. Фонетика хорезмских говоров, стр. 115.

²³ Там же, стр. 116.

²⁴ Е. Д. Поливанов. Образцы несингармонических (иранизованных) говоров узбекского языка, стр. 94.

²⁵ В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий. Т. II, ч. 2, стр. 1451 (*куран*—бурый, масть лошади).

После носовых согласных *m, n, ng* исходный падеж принимает форму *-nān*: *Berjāpnān — āl, urjāpnān — kâč* 'У дающего — бери, от бьющего — беги' (поговорка).

Реликтовая форма исходного падежа на *-din* широко используется в поэзии²⁶:

Juzing zebāliyi kānglum āčārmu?
Zulfing jilāsidin kājyu kâčārmu?
'Порадует ли меня красота твоего лица?
От блеска твоих локонов исчезнет ли моя печаль?'

Форма множественного числа на *-lār/-lā* ничем не отличается от формы множественного числа ташкентского диалекта²⁷.

1. Среди форм притяжательных аффиксов следует отметить аффикс первого лица множественного числа на *-vuz/-uvuz*, характерный и для ташкентского диалекта²⁸: *ičuvuzgā māslihātuvuz bâr* *досл.* 'между нами есть разговор' ('мы должны посоветоваться'); *māšātkā rômālivuz belivuzgā, ālkāj-ālkāj ketāvuz jōlivuzgā* 'вот здесь наш платок, на поясе, воздав (вам) хвалу, мы отправимся в свой путь'.

2. Не менее интересна форма 2-го лица множественного числа, идентичная таковой в ташкентском диалекте и в каршинском говоре:

<i>âtibiz/âtivuz</i> 'наш конь',	<i>âtijiz/âtijlā</i> 'ваш конь',
<i>âtāvuz</i> 'наш отец',	<i>âtājiz/âtājlā</i> 'ваш отец'.

Присоединение показателя множественности к личному местоимению 1-го лица множественного числа сильно изменяет форму слова: *bizā korkābizām* 'мы и боимся'. Когда этот аффикс присоединяется к личному местоимению 2-го лица множественного числа, то и здесь слово подвергается стяжению — *silā//slā*: *silā bu jergā jātipsilā, dāvlāt silādān kājtti* 'вы здесь спокойно лежите, а богатство от вас ушло (отвернулось)'.

В системе спряжения имеются отдельные формы, отличающиеся от норм литературного языка, но совпадающие с ташкентскими.

Формы глагола настояще-будущего времени

Единственное число

mān ketāmān 'я пойду',
sān ketāsān 'ты пойдешь',
u ketādi 'он пойдет',

Множественное число

biz ketāvuz//ketābiz 'мы пойдем',
silā ketāsilā//ketāsiz 'вы пойдете',
ulā ketādi//ketādilā 'они пойдут'.

Формы настоящего конкретного времени глагола идентичны таковым в каршинском говоре.

Единственное число

mān bârâtimmān 'я иду',
sān bârâtipsān 'ты идешь',
u bârātipti//bârâtī 'он идет',

Множественное число

bizā bârâtimmiz 'мы идем',
silā bârātipsilā, sizbârâtipsiz 'вы идете',
ulā bârātipti//bârâtīlā 'они идут'.

²⁶ Форма на *-din* вообще характерна для письменно-литературного «чагатайского» языка. Из современных тюркских языков она сохранилась в уйгурском и в узбекских говорах икано-карабулакского типа (см.: К. К. Юдахин. Некоторые особенности карабулакского говора. — В сб.: «Материалы по узбекской диалектологии», I. Ташкент, 1957, стр. 35).

²⁷ Я. Г. Гулямов. Из наблюдений над морфологией ташкентского говора. — В сб.: «Материалы по узбекской диалектологии», I. Ташкент, 1957.

²⁸ Там же, стр. 191.

В каршинском говоре:

mān bārātummān,	biz bārātummiz//bārātubbiz,
sān bārātupsān,	siz bārātupsiz,
u bārātuptu,	ulā bārātuptu ²⁹ ,

(лит. *боряпман, боряпсан, боряпти, боряпмиз, боряпсиз, боряпти*).

Из глагольных форм прошедшего времени заслуживает внимания форма прошедшего длительного времени:

Единственное число

Множественное число

mān bārijdim 'я ходил' (лит. борар эдим),	bizā bārijdij 'мы ходили',
sān bārijding 'ты ходил',	silā bārijdijlā 'вы ходили',
u bārijdi 'он ходил',	ulā bārijdi 'они ходили'.

Представляет определенный интерес и форма на *-mākčīn*, выражающая намерение субъекта совершить действие:

Единственное число

Множественное число

mān bārmākčīnmān 'я намерен пойти',	bizā bārmākčīnmiz 'мы намерены пойти',
sān bārmākčīnsān 'ты намерен пойти',	silā bārmākčīnsilā//siz bārmāk- čīnsiz 'вы намерены пойти',
u bārmākčīn 'он намерен пойти',	ulā bārmākčīn//bārmākčīnlā 'они намерены пойти'.

Данная форма глагола со значением намерения отмечена пока лишь в каршинском говоре узбекского языка, в остальных же говорах (не огузских), так же как и в литературном языке, обычна форма *bārmākčī-mān* 'я намерен пойти'.

Образование на *-mākčīn*, как и в литературном языке, может сочетаться с глаголом *bōlmāk* (лит. бўлмоқ) 'быть', 'становиться', выражающим определенные значения модальности, осложненные временными оттенками:

ālmākčīn	{	bōlādi 'он хочет взять',
		bōldi 'он решил взять',
		bōlipti 'он хочет взять' (говорят),
		bōlgān 'он раньше хотел взять',
		bōlgānedi 'он хотел было взять',
		bōlsā 'если он хочет взять' и т. д.

Некоторые формы причастия также имеют своеобразное оформление. Например, причастная форма настоящего времени имеет форму *bārājātikān, kelājātikān*: 'dārājā islājātikān māni ināyām bōlādi 'человек, который работает в учреждении, является моим братом', ketājātikān ādām 'человек, который уходит'. Иную форму имеет причастие со значением будущего времени *kilājākān* 'который будет делать', 'ōkijkān 'который будет учиться', sā:rgā//šā:rjā bārājākān ādām bā:mi? 'есть ли человек, который поедет в город?'

Что касается лексических особенностей языка узбеков, проживающих на обширной территории северного Афганистана, то можно сказать, что лексика этих говоров содержит преимущественно общетюркские корни, связанные с карлукско-огузской основой, и что она испытала сильное влияние соседних говоров таджикского языка или *dāri*.

²⁹ А. Шерматов. Указ. автореф., стр. 30.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

С О В Е Т С К А Я ТЮРКОЛОГИЯ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1970 ГОДУ

Выходит 6 раз в год

№ 4 (100)

ИЮЛЬ—АВГУСТ

БАКУ—1986

Э. А. УМАРОВ

ОБ «ИКАНИИ» И «ЭКАНИИ» В ГЕРАТСКОМ ДИАЛЕКТЕ СТАРОУЗБЕКСКОГО ЯЗЫКА XV ВЕКА

Изучение памятников орхоно-енисейской письменности показывает, что в их языке нашли отражение диалектные особенности. В частности, одни и те же слова в разных памятниках пишутся то с буквой *i*, то *e*. Так, слово, означающее «народ», в одних памятниках пишется *il*, в других — *el*; слово, выражающее понятие «дай» или «давай», пишется то *bir*, то *ber*; слово с семантикой «земля» пишется то *jir*, то *jer*.

А. Н. Кононов указывает, что впервые на это чередование звуков *i* — *e* обратил внимание В. В. Радлов [1, с. 36]. Позднее это явление отмечалось и И. А. Батмановым [2, с. 116—125], который писал, что в енисейских памятниках № 6, 15, 29 и в памятниках Тоньюкука, Кюль-Тегина, Могиляна, Суджи, Моюнчура вместо *e* употребляется *i*.

На эту фонетическую особенность указывал еще Махмуд Кашгари в «Дивану лугат-ит-тюрк»: «канжаки многие слова произносят с касрой: *sin* 'ты'». И далее: «... тюрки слово „верблюды“ произносят с касрой *tivi*, огузы и с ними рядом живущие произносят *teve*. Тюрки *d* произносят с касрой: *bardim* 'пошел'. Это по правилу. Огузы и другие *d* произносят с фатхой: *bardem*. Это не по правилу».

К сожалению, как указывает С. Муталлибов, турецкий издатель «Дивану лугат-ит-тюрк» Бесим Аталай, считая слова с пометой «какра» написанными ошибочно, транслитерирует их с фатхой, то есть вместо *i* пишет *e* [3, с. 153].

На широкое распространение в средневековых памятниках «икания» указывал также Агах Сирри Левенд [4, с. XIV].

А. Н. Кононов, тщательно изучивший этот вопрос, показал, что данное явление представляет собой важный классификационный признак языка древнетюркских памятников. Он пишет: «...деление древнетюркского языка следует дополнить делением по очень важному признаку, проходящему красной линией по всей истории тюркских языков и являющемуся характерным классификационным признаком, который проявляется в чередовании узких и широких, передних и задних гласных в корнях-основах» [1, с. 36].

Наличие чередования звуков *i* и *e* в тюркских языках убедительно подтверждается материалами староузбекско-персидского словаря XV века «Бадаи-ал-лугат» («Редкости слов») [5]. Этот словарь, составленный крупнейшим лексикографом своего времени Тали Имани по приказу тимурида Султана Хусейна с целью увековечения памяти Алишера Навои, представляет собой первый научный глоссарий языка Навои. Исследование этого словаря показало, что в нем зафиксированы весьма

важные фонетические и лексические особенности гератского диалекта староузбекского языка XV века. Объясняется это тем, что Тали Имани при составлении своего словаря опирался на лучшие традиции арабо-персидской лексикографии.

Для передачи правильного чтения и произношения толкуемых слов автор словаря излагал «порядок следования звуков в слове и давал их характеристику» [6, с. 123]. Так, интересующее нас явление «икания» он передает посредством пометы *bil kasr* [7, с. 260] 'с касрой', а «экание» — пометы *bil fath* 'с фатхой', то есть через *e* [8]. Например, при описании слова, означающего «седло», Тали Имани сначала приводит самс это слово, затем объясняет его фонетическую структуру, пользуясь пометой *bil kasr*, указывая тем самым на употребление в первом слоге узкого гласного *i*:

igar — *bil kasr*... 'седло', стих:

Nam áltun igar dayi áltun ližam
Nam áltun taqa dayi áltun sitam (306)¹

'Также золотое седло и золотые снаряжения,
 Золотая подкова, также золотая сбруя'.

Аналогично объясняется фонетическая структура слова, означающего «пятьдесят». Тали Имани при описании данного слова ставит помету *bil kasr*:

Illik — *bil kasr*... 'пятьдесят', рубаи:

Illik bila áltmišqa jitti qadamim
Jir haq sabb itmadi irkin raqamim
Ni turfaki ajturmadi rangin qalamim
Kim jeq biridin hatir ara žam alamim (346)

'Достиг я возраста между пятьюдесятью и шестьюдесятью,
 Ни о чем не могу свободно писать.
 Каких только диких ни описало мое многоцветное перо,
 Но в памяти не сохранилось ничего, кроме печали'.

Лексикографическая помета *bil kasr* стоит и возле предлога «до», что указывает на то, что данное слово нужно читать с гласным *i*:

tigru — *bil kasr*... 'до', 'вплоть до'... Бейт:

Capib Hisravning urdusiqa tigru
Qaju urduki qaršusiqa tigru (546)

'Добежав до орды Хосрава,
 И не только до орды, но и до него самого'.

Тали Имани данную помету ставит и возле слова со значением «одержимый», «безумный»:

tilba — *bil kasr*... 'одержимый', 'безумный'... Стих:

Lavli šavqidin kongul hursand irur hunab ičib
Tilbaga rangin su birsang maj diban hušnud irur (536)

'Страсть к ее рубинам-устам радует сердце, глотающее кровавые слезы.
 Если подать безумцу красную воду, он возрадуется, думая, что это вино'.

Помета *bil kasr* стоит и при описании фонетической структуры слова, означающего «корабль». Это указывает на то, что данное слово в XV веке в Герате произносилось как *kīma*, а не как обычное для того

¹ Цифры в скобках указывают на страницу рукописи.

времени кема. Кстати, эта форма слова подтверждается рифмами, используемыми Алишером Навои. Так, в «Хамсе» поэт данное слово везде рифмует со словом *nima* 'вещь':

*Su uzra surub benihojat kima,
Solib anda bori keraklik nima* [9] и т. д.

'По реке плавали лодки без счета,
Имея на борту все необходимое'.

Словарь Тали Имани показывает, что современное слово *bel* 'поясница' в XV веке произносилось как *bil*. Такая форма слова подтверждается рифмами, используемыми Навои:

*Kimki maxluq xizmatiya kamar
Cust itar jaxširaq ušalsa bili
Qel qavušturyuča bu avladur
Kim aning čiqa igni sinsa ili
Cun hušamad demakni başlasa kaš
Kim tutulsa dami kisilsa tili* [10].

'Кто будет служить подлому негодяю,
Пусть у того сломается поясница.
Кто будет покорным ему,
Пусть у него плечо вывихнется, сломается рука,
Кто начнет угождать ему,
Пусть (у того) дыхание пересохнет, упадет язык'.

Словарь «Бадаи-ал-лугат» указывает на многочисленность примеров «икания» в языке Навои: *ilak* (276) 'сито', *ismak* (306) 'дуть', *ikilmak* (316) 'посев', *ikan* (31a) — форма прошедшего времени; *ivutmak* (346) 'поворачивать', *igirim* (346) 'водоворот', *bişik* (426) 'колыбель', *ting* (546) 'равный', *dikla* (57a) 'кафтан, надеваемый перед сражением', *din* (57a) 'из', 'от', *kingaš* (756) 'совет'.

Чтение рукописей Алишера Навои показывает, что помимо этих слов, приведенных Тали Имани, в них имеется еще немало и других слов с «икающим» произношением:

*Xuradmand čin sөzdin өzga dimas
Vale bari čin ham digulik imas* [11, с. 123].

'Мудрец одну лишь правду говорит
Но кое-что он про себя хранит' [12, с. 103].

*Kөp dimak birla belmayil nadan
Kөp jimak birla belmayil hajvan* [11, с. 142].

'Поменьше, друг, болтай и дураком не будь
Поменьше ешь и пей, мой друг, скотом не будь' [12, с. 92].

*Qušdin irmas xali ar көpning ili
Lek faxm elmas biriga quš tili* [13, с. 194].

'Птицы ведомы всюду, где род человеческий,
Но сокрыты от всех тайны птичьих наречий' [14, с. 295].

*Tiyi qatil tartiban juz ming čirik
Kөzga kilmaj anda qaqimča irik* [13, с. 161].

'Там в ста тысячах орд каждый воин с кинжалом,
Как ворсинка, предстанет ничтожным и малым' [14, с. 228].

Современная транслитерация произведений Навои, повсюду заменившая *i* гласным *e* в аналогичных словах, привела к искажению рифмы Навои. Подобная модернизация фонетической структуры слова, с нашей точки зрения, противоречит важнейшему закону восточного стихосложения — обязательной и точной рифме. Например, в следующем бейте из «Махбуб-ал-кулуб»:

Xuštur xiradi көр el seziga kirmak
Ne bazi emak xušu ne bazi bermak [15]

трудно предположить, что слово kirmak Навои рифмовал со словом bermak. На основе электрокимографической записи было установлено, что общая длительность гласной *e*, произнесенной при частоте основного тона 160 *гц*, равна 200 *мс*, а гласного *i* — 150 *мс* [16]. Таким образом, при рифме kirmak—bermak нарушается характерная для поэзии Навои абсолютная точность рифмы².

Наряду с многочисленными примерами «икания» Тали Имани приводит и несколько примеров «экания». Поскольку гласный *e* произносится более открыто, чем узкий гласный *i*, Тали Имани «эkanie» передает посредством пометы бил фатх 'с фатхой'. Например, описывая слово, означающее «после», Тали Имани прибегает к этой помете, как бы указывая тем самым на употребление в первом слогe полуузкого *e*:

kejin — *k* с фатхой, *j* с касрой означает 'после'... бейт:

Ru ba ru bөлqäç juzung yam šami ällimdin kitar
Saja tuškandik kejin xuršid bolgaç utrudin (736)

'Когда твое лицо передо мною, ночная печаль уходит,
Так возникает тень, при появлении светила'.

Помета bil fath стоит и перед словом kejik — *k* с фатхой, *j* с касрой — «род горных газелей». См. бейт:

Girdida kejik tola jabani
Ul ortada ajlakim šabani (736)

'Вокруг в пустыне полно оленей,
Он (Меджнун) в центре, как чабан'.

Лексикографическую помету bil fath Тали Имани ставит и возле слова kelin 'невеста', тем самым подчеркивая, что его следует читать с полуузким *e*:

kelin — *k* с фатхой 'невеста'.... стих:

Kob zijnatu ajlab ikavni
Gulčexra kelin bila kejavni (73a)

'Сильно разукрасили обонх—
Красивую невесту и жениха'.

Приведенное выше позволяет сделать следующие выводы:

1. Исследование памятника XV века «Бадаи-ал-лугат» («Редкости слов») подтверждает мнение ученых о наличии чередования звуков *i* и *e* в тюркских языках.

2. Для языка Алишера Навои, в основе которого лежит гератский диалект староузбекского языка, «икание» является более характерным нежели «эkanie», что должно учитываться в текстологических исследованиях.

² Насколько Алишер Навои был последователен в своей приверженности точной рифме, можно судить по следующему факту. В «Мажалис-ан-нафанс» («Собрание избранных») он, цитируя бейт Атаи:

Ul sanamkim su jaqasida paridek ölturur

Yojati nozukligidin su bila jytsa bөлur

'Та красавица, которая сидит, как перн, у берега,

Настолько грациозна, что можно ее запить единым глотком воды', критикует поэта за неточную рифму bөлur—ölturur и пишет: «В рифмах его есть некоторые погрешности». См. об этом: Алишер Навои, т. 9, Ташкент, 1970, стр. 57. Перевод С. Ганиевой.

3. Если согласиться с утверждением Махмуда Кашгари о том, что «икание» было характерно для канжаков [3, с. 153], то закономерно заключить, что канжаки сыграли важную роль в формировании старо-узбекского языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. А. Н. Кононов. Грамматика языка тюркских рунических памятников VI—VIII вв. Л., 1980.
2. И. А. Батманов. Следы говоров в языке памятников орхон-енисейской письменности.—В сб.: «Проблемы тюркологии и истории востоковедения», Казань, 1964.
3. Махмуд Кашгарий. Девону лугатит турк. Т. III. Таржимон ва нашрга тайёрловчи С. Муталлибов. Тошкент, 1963, стр. 153.
4. Ağâh Sırrî Levend. Ali Sir Nevali. Cilt I, Ankara, 1965.
5. А. К. Боровков. Бадаи-ал-лугат. Словарь Тали Имани Гератского. М., 1961.
6. С. И. Баевский. Средневековая персидская лексикография.—В кн.: «История лингвистических учений. Средневековый Восток», Л., 1981.
7. А. М. Щербак. Грамматика староузбекского языка. М.—Л., 1962, стр. 260.
8. Иранские тюркологи пометой фатх 'открытое' передавали также полуузкие гласные е и ө; см.: «Персидско-русский словарь». М., 1960, стр. 363; «Арабско-русский словарь», М., 1960, стр. 374.
9. Алишер Навоий. Хамса. Тошкент, 1960, стр. 669.
10. Алишер Навоий. Фаройиб-ус-сиғар. Тошкент, 1959, стр. 725.
11. Алишер Навои. Возлюбленный сердец. Сводный текст подготовил А. Н. Кононов. М.—Л., 1948.
12. Алишер Навои, т. 10. Ташкент, 1970. Перевод А. Старостина.
13. Алишер Навоий. Лисон-ут-тайр. Илмий-танқидий текст. Тайёрловчи Ш. Эшонхўжаев. Тошкент, 1965.
14. Алишер Навои, т. 8, Ташкент, 1970. Перевод С. Иванова.
15. Алишер Навоий, т. 13, Тошкент, 1966, стр. 59.
16. А. Махмудов. Гласные узбекского языка. Ташкент, 1968, стр. 42—43.